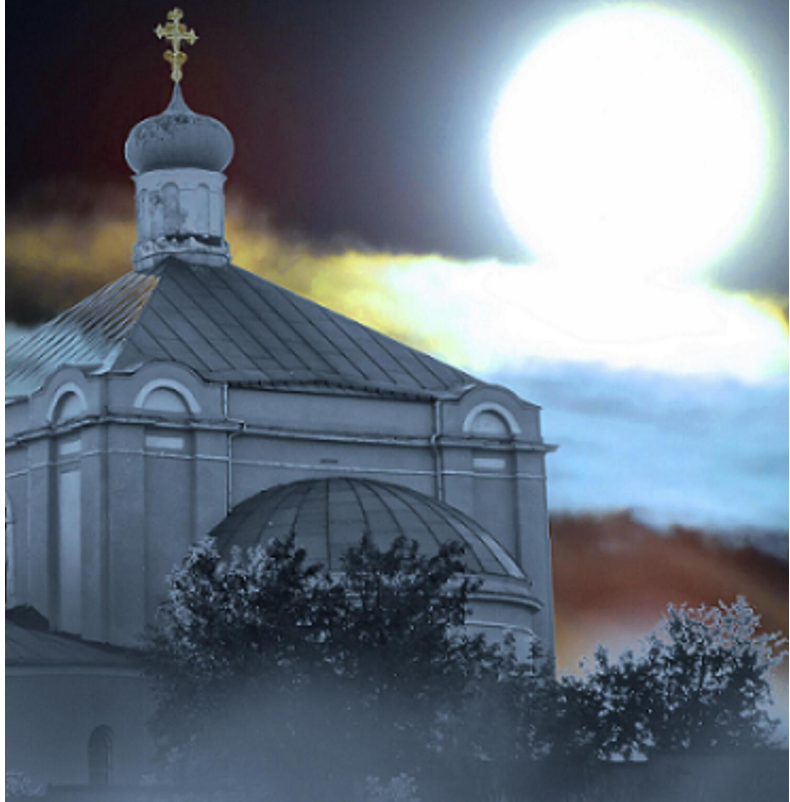

КОЛОКОЛ

Д. А. ВЛАСОВ

Денис Анатольевич Власов

Колокол

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68484209

SelfPub; 2022

Аннотация

Русская фантастическое проза: приключение о том, как кладоискатель отправляется на коп в Смоленские земли. По пути после посещения древнего монастыря его планы круто меняются, и диггер переносится во времена Отечественной войны 1812г. Сумеет ли кладоискатель вернуться обратно и выполнить миссию, возложенную на него настоятелем храма?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31

Денис Власов

Колокол

Глава 1

Издrevле на Руси люди веровали, что колокола обладают душой, и почитали их словно живых. При рождении ли душа вселяется в металл или с годами после усердных молитв остается тайной. Как и у человека, колокольное сердце может быть добрым или озлобленным. История знает случай, когда набатный колокол в Угличе подвергли казни отсечением уха. Углическому гласу народа вырвали язык, подвергли двенадцати ударам плетью и сослали на поселение в Тобольск только за известие о гибели благоверного царевича Дмитрия, сына Ионна Грозного. В летописях отражены и иные подобные жуткие примеры обращения с певучими существами из металла. Интересующийся читатель сможет за просто найти их во Всемирной паутине. Однако многие сокрыты по сей день и передаются из уст в уста. Как и положено любой легенде, сказ со временем обрастает исключительными подробностями и превращается в небылицу, но автор постарается избавить от лишнего налета и довести до читателя суть той истории, что не запечатлена ни в одной скрижали, но была передана загадочным другом его во всех об-

стоятельствах. Только сейчас автор отважится поведать этот достоверный случай спустя долгие годы и исключительно с позволения его товарища.

История произошла на переломе тысячелетий, точнее летом в 2000г, на Смоленщине. Здесь я перейду на повествование от первого лица. Друг моего детства Олег (имя изменено) имел пылкое увлечение. Олег занимался копом с металлоискателем. У кого-то увлечение – рыбалка или грибы собирать, а у нас – клады искать. Я частенько сопровождал его в поездках по заброшенным селениям, которых уже на картах нет, и названия остались в воспоминаниях сторожил. На тот момент Олег имел мощный металлоискатель последней модели. Скажу прямо дело это авантюрное и доверительное. Иногда приходится отбиваться от соперников или местной гопоты. Бывало, нам очень везло: однажды вдоль старого тракта детектор обнаружил россыпь золотых монет, а иногда и неудачи: на Брянщине наткнулись на немецкую мину. Что-то сбывали на блошином рынке, а иное оставляли себе. Весь гараж забит ржавыми военными артефактами. Каждый отпуск мы выезжали на раскопки, но тем летом я не смог составить компанию Олегу, о чем теперь вовсе не сожалею. Парень он напористый, закаленный, из разных переплетов выкручивался. Олег, конечно, посетовал, но отправился под Смоленск в одиночку на «буханке». Обещал вернуться через месяц. Земли Смоленщины пережили многочисленные кро-

вопролитные сражения и тяжелые времена в истории России, поэтому до сих пор изобилуют сокровищами. Археологи и разного рода диггеры с авантюристами десятками собираются на коп испытать счастье в великом минувшем Княжества Смоленска. Каждому такому выезду предшествуют тщательные сборы, прежде всего в розыске архивных карт прошлых столетий и подготовке инвентаря.

Миновав Смоленск, друг отправился дальше в забытые богом деревни, где всегда можно пожить, но с каждым годом все сложнее, так как деланки негласно распределены между оппонентами, и можно попасть в неприятную ситуацию. Это как во времена дикого запада, когда джентльмены удачи с оружием столбили новые территории, так и здесь с развалом СССР пришла анархия. Лихие люди наложили мохнатую лапу на доходное предприятие, как, впрочем, и на все остальное. Так ведь и не отпускают до сих пор, только спортивные костюмчики сменили на деловые. Однако кореш мой долго в этом бизнесе, его знают и уважают. Он наметил заброшенное поселение в волости, свернул с асфальтированной дороги на грунтовку, вскоре та сменилась колеей и серпантинном запетляла в глубине лесной чащи. Машина перекатила через неглубокую лужу и забуксовала в комьях грязи. Автомобиль свистел, сопротивлялся и никак не желал выезжать из канавы полной глины. Олег покинул кабину, огляделся, прошел далее и заметил впереди сбитый столбик, рядом разломанный щит. Плакат этот значил предупрежде-

ние «аномальная зона» выцветшими буквами.

Если углубиться, то Смоленская губерния славится загадочными местами. В чертовых оврагах, проклятых сторонах и иных дурных направлениях человека может охватить непонятный страх. В глухих лесах леший путает следы и заводит людей, на болотах встречают кикимор, прочие духи хитростью изводят местных жителей. Возможно, по этой причине на Руси зародился уникальный вид благовеста тремя одиночными ударами в большой колокол. Считается, что после первого воззвания нечисть замирает, после второго – исходит вон, а с третьим ударом и вовсе под землю проваливается. Размышлять о субъективных обитателях леса Олег не располагал временем. Смеркалось, а он преодолел только полпути. Доски и столбик, как никогда, лучше подошли, чтобы вырваться из ловушки. Олег подложил щит под застрявшее колесо, и машина с визгом выкатилась на сухое место. Со всем стемнело, когда он подъехал к развилке. Машина затормозила на распутье. Олег сверился с картами, и никакого перекрестка не обнаружил на плане. На старой карте проселочная дорога от этого места все время шла прямо. Хотя, естественно, за долгие годы в государстве поменялось все что угодно от дорог и политического строя до менталитета. Пока он разбирался с картами, со стороны примыкающего пути внезапный оглушительный удар нарушил тишину леса. От неожиданности и мощи звуковой волны Олег подпрыгнул в сиденье и выронил карты. Раскатистый звон отозвал-

ся эхом в лесу. Птицы переполошились, вспорхнули с ветвей и закружили с диким гарканием. Громоподобный удар во что-то железное повторился совсем рядом, и звуковая вибрация заполнила все околопространство. Еловые шишки гроздьями осыпались на крышу автомобиля. А после третьего зычного звона все стихло. Не то чтобы это явление сильно напугало Олега, скорее озадачило. Поразмыслив, он решил свернуть в направлении таинственного перезвона в надежде встать на ночлег. Спустя короткое время фары автомобиля осветили деревянные резные ворота обветшалой церкви. За изгородью мрачным остовом в ночном небе возвышалась колокольня, пылающие звезды подглядывали в глазницы ее ярусов.

Двери оказались незапертыми, и Олег проник во двор. Перед ним предстала картина: фигуры в длинных рясах суетились и охали в свете мелькающих фонарей возле звонницы. Олег приблизился и увидел на земле человека. Инок с изуродованным лицом распластался и не подавал никаких признаков жизни. От устрашающего зрелища комок подкатил к горлу Олега. Монахи сгрудились возле погибшего служителя и обходили вниманием гостя, занятые причитанием, пока сгорбленный старец, видно, настоятель, не обратился к Олегу:

– Пономарь наш.

Олег задрал голову и присвистнул.

– Ого. Высоко.

– Сорвался с четвертого яруса, – пояснил старец и добавил, – второй звонарь за месяц. Упокой его душу.

Пожилой монах глубоко вздохнул. На вопрос о постое на ночлег настоятель согласился, но от предложения провести ночь в опустевшей келье покойного звонаря Олег любезно отказался. Переночевал он в машине во дворе храма. Спал гость урывками, все время ему виделись кошмары. Утро выдалось благодатным. Солнечные лучи играли в пушистых облаках небосвода, предвещая ладный день. Омрачали лишь приготовления к погребению пономаря. В очертаниях церкви угадывалась древность постройки. Кое-где виднелся выбитый красный кирпич или облицовка разводами пошла. Олег приблизился к звоннице и без особых усилий вытащил кованный гвоздь из крошившейся стены.

– Вот ты где, – слышал Олег вчерашний глуховатый голос монаха. Взгляд старца исподлобья источал холод и пронизывал до костей, но Олег выдержал тяжесть испытания взором мудрого человека и не отвел глаз. Все приложено при настоятеле и борода курчавая, и крест на груди, и посох в руке, обвитый змейкой на венце.

– Дело до тебя имеется.

Олег кивнул в знак, что готов выслушать со вниманием.

– Места здесь поганые.

Старец замолк, подбирая слова, и снова зашамкал шершавыми губами:

– Пропадают грибники, охотники. Теперь вот кара смертная и до нашего скита добралась.

И снова недолгая пауза. Олег суетливо вертел гвоздь в руке, не зная, как отделаться от разговора.

– Я бы предложил поскорее убраться тебе отсюда, да, видно, Бог послал нам тебя.

Старец перевел взгляд на колокольню, прикрыв глаза сушощавой рукой от ярких лучей солнца, и повелел:

– Поди за мной.

Олег насторожился и хотел было отказаться от экскурсии, но из учтивости за постой молчаливо последовал за монахом. Краем глаза Олег видел, как послушники установили гроб с погибшим на повозку и, понукая худощавую лошадедку, отправились на погост. Колючий холодок пробежал по спине Олега от присутствия смерти, вообще он уже захотел поскорее убраться из этого жутковатого места, но ведомый настоятелем и из уважения к сединам служителя Олег покорно продолжал путь. Скитник обладал неведомой силой убеждения, что послушаться его чревато последствиями, какие только может вообразить впечатлительный ум. А шли они, точнее поднимались, по крутой винтовой лестнице на вершину колокольни. Монах осторожно ступал по осыпающимся выступам, он нащупывал каждый порожек, натужно кряхтел и указывал Олегу посохом, где обходить, а где и во-

все перешагивать ветхие ступеньки. Вид с верхнего яруса открывался потрясающий, но не это удивило Олега, а отсутствие колокола. С перекладины под куполом на жилистом тросе свисал обычный железнодорожный рельс. Они с трудом разместились на узенькой площадке. Высокие проржавевшие перила ограждения с витыми замысловатыми узорами когда-то уберегали от падений, но не в этот раз, так как с северной стороны зиял сводчатый проем без какой-либо ограды. Определенно с этого места пономарь и сорвался, отбив по себе последний благовест. Олег заметил удалявшуюся повозку и фигурки монахов в чащу леса. От страха перед высотой Олег ощутил неприятное головокружение, он ненавидел самолеты, поэтому всегда старался перемещаться по земле. Насколько помню, друг мой страдает навязчивой фобией высоты, но в тот раз, обдуваемый свежим ветерком, паника чудесным образом отступила. Хотя, вероятно, вовсе не ветер послужил причиной, как Олег потом признавался, а колдовской пронизывающий взгляд старца, заставляющий повиноваться и подавить малодушие. Неведомый магнетизм исходил от этого человека, какой излучает только икона. Олег окинул недоверчивым взглядом рельс заменявший колокол.

– Вчера слышал перезвон, – начал было он осторожно разговор, – а здесь рельс висит.

Старик встрепенулся, стеклянные глаза оживились, как будто Олег удачно затронул важную тему. Скитник звонко

откашлялся и подтвердил:

– Верно. Три удара в глас народа.

Настоятель сверлил испытующим взглядом Олега и продолжил:

– Так ведь нет у меня никакого колокола.

И служитель перекрестился размашисто.

– Веруешь ты в Бога, сын мой?

Олег замялся с ответом.

– Признаю.

– Вот послушай. Бой в колокол приходит из ниоткуда в любое время как с полгода.

– Как это понимать?

– А как хочешь. Из иной сферы. Я почему знаю? Звук великой мощи расходится прямо со звонницы, сотрясая все вокруг.

Старец вцепился обеими руками в посох. В тот момент, как показалось Олегу, глаза змейки на венце трости сверкнули ядовитым изумрудным цветом.

– Не иначе происки дьявола, – продолжил старик. – Не сорвался пономарь наш вовсе. Сдуло его волной от грома набатного. А первый звонарь, Ипатом звали, так тот и вовсе пропал после третьего удара прямо на колокольне.

Олегу наскучило выслушивать рассказы, он явно стал показывать, что торопится, сверился со штурманскими часами, но, к его изумлению, секундная стрелка остановилась, а дата указывала на вчерашний день. Даже после сильной

встряски часы не заработали. Тогда Олег достал из нагрудного кармана компас, стрелка которого бешено крутилась вокруг своей оси.

– Что за чертовщина?

Старец внимательно наблюдал за манипуляциями диггера и возобновил речь:

– Вот ты наверно думаешь, что случайно попал сюда? – и сам ответственвал, – а вот я скажу тебе. Совпадения не бывают случайными.

– Я здесь каким боком?

– Ты и вернешь колокол на прежнее место.

– Ну уж, нет, хватит с меня, – воспротивился Олег.

– Видишь ли, в году 1812 колокол тот набатом огласил приход войск лиходея Бонапарте под Смоленск. После иноки постарались хорошенько упрятать колокол от переплавки на пушки вместе с иконами и утварью всякой в неведомом месте, да в таком, что не сыскать до сих пор.

– И что?

– А то, что звон сохранился отражением из иной энергоматерии минувшего. Предупреждают нас о чем-то. Верно, беде какой быть.

Скитник вновь осенил себя знамением и усталился на собеседника.

– Ну, ты даешь, дед.

Перестал Олег взмахивать рукой с часами и сделал первый шаг к выходу. В сию секунду малахитовая змейка ожила

на венце чудотворного посоха, опасно зашипела, ударилась оземь, увеличилась в размерах и преградила путь Олегу. Аспид с крупной мерцающей чешуей извивался, накидывался на заложника, прижимал к северному проему, но не кусал, а стерег выход. Необыкновенное превращение застигло врасплох будущего спасителя колокола. Олег попытался отбросить змея, но спасовал, так как при каждом его наступлении, аспид грозно разевал пасть, оголял острейшие фарфоровые клыки и выбрасывал мясистый раздвоенный язык. Рептилия не переставала увеличиваться до необыкновенных размеров и превращалась в сказочного дракона. Еще некоторое время они топтались на узенькой площадке. Действие сопровождалось невообразимыми лексическими оборотами фольклорного языка.

– Да хорош, дед. Согласен! – кричал напуганный Олег.

– Вот и ладно.

Седовласый служитель улучил момент и ударил посохом в рельс изо всей мочи. Оглушенный Олег закрыл уши, и змея тут же, извиваясь кольцами, вновь бросилась ему под ноги. Олег, гонимый ящером, еле удержался, хватаясь за выступы в стене у края, но старец не дал ему шанса, он ловко по молодецкой удали ткнул посохом Олегу в грудь, и тот сорвался в бездну.

Глава 2

Неизвестно, сколько времени прошло после падения. Очнувшись Олег в стоге пахучего сена. Он тут же разразился громким чихом от резкого запаха разнотравья. Острые стебли лезвием болезненно впивались в кожу. Середина густой копны естественным образом смягчила приземление. Олег ощупал конечности. Ему удивительно повезло, счастливчик ничего не повредил. Он не двигался, вглядываясь в голубую синеву небосвода, подпираемого высоченной колокольней. Олег отметил: архитектура собора переменялась, более здание не являло ветхое строение, а представало обновленным. При воспоминании о пережитых событиях этим утром голова начинала гудеть, свинцовый туман окутывал рассудок. Олег вновь и вновь проигрывал картину произошедшего, как приключенческую киноленту, увиденную в далеком детстве, что запечатлела в памяти яркие моменты, но тщетно пытался припомнить черты лица скитника, тембр его голоса или подробности вида разъяренной змеи. Даже то, как переступил край звонницы, и сам полет Олег не помнил, но точно знал, что старик возложил на него миссию отыскать колокол. Обломки мыслей возникали в тени сознания. *«Почему старец поступил с ним таким образом? Постойте, но ведь не было никакого стога возле храма»*, – вопросы волчком вертелись в мозгу, и вот злой он сжал кулаки до боли и

решил отомстить, вывести настоятеля на чистую воду. Олег уже приподнялся, как вдруг на очередной его оглушительный чих промеж широко раздвинутых ног из глубины стога вылезла голова в монашеском капюшоне и трясущейся жиденькой бородашкой.

– Тише, – прошептала башка, – умоляю тише.

Человек поднес дрожащий указательный палец к губам.

– Не то лягушатники заколют, – снова прошептала голова и скрылась в сене.

– Эй ты кто?

Голова вновь вынырнула.

– Ипатом кличут. В стог ховайся.

В невыносимой духоте слежавшегося прелого сена городского Олега чуть не вывернуло, с трудом он сдерживал аллергический чих. Ипат плотно прикрыл ему рот шершавой ладонью, пахнувшей чесноком, что еще усилило раздражение его нового товарища по несчастью.

– Угомонись, – перешел на полуголос Ипат, не на шутку объятый трепетом, что вот-вот их обнаружат некие дикие орды лягушатников. Он выпучил добрые глаза телянка, в которых гнев и не казался вовсе яростью, а отчаянным призывом к тишине. Мало-помалу Олег свыкся и невероятным усилием воли подавил тошнотворное чувство.

– Ты тот Ипат, что со звонницы пропал? – догадался Олег.

– Верно.

– Тебе настоятель помог сигануть?

– Скажешь тоже настоятель, – ухмыльнулся алтарник. – Колдун он, вот кто, а не настоятель вовсе.

– Я заметил. От кого прячемся?

– Глянь на басурман, – Ипат предельно осторожно раздвинул сено так, что получился крошечный проем с видом во двор. – Говорят, они улиток едят. Брр, мерзость.

Олег явственно представил трапезу с поглощением скользких слизняков, и его перекосило. В тени деревьев стоял обоз, перегруженный мешками и утварью, что борта повозки прогнулись от напряжения и вот-вот подломятся. Рядом на траве возле тлеющего костра с котлом на привале отдыхали служивые люди в армейских мундирах времен Отечественной войны. Ружья их с примкнутыми штыками прилегли к обозу. Доносились звуки развеселой французской речи. Гренадеры увлеклись обсуждением добычи, живо жестикулировали, один в синем жилете, очевидно, высокий чин, покатился от хохота. Поодаль скучал часовой с палашом наперевес и постоянно отвлекался на доносившийся ароматный дымок варева.

– Французы?

– Мародеры, ишь, сколь добра в обозе.

– Кино снимают? – ухмыльнулся Олег.

Ипат бросил вопрошающий взгляд на диггера с укоризненной, что тот еще не догадался.

– Мужик, ты не понял? Колдун отправил нас в 1812 год.

Олег бросился проверять наручные часы, стрелка возоб-

новила мерный ход, отстукивая секунды жизни в давно минувшей эпохе. Прав оказался Ипат, дата на циферблате действительно переместилась на август #, 1812г. Олегу никогда не доводилось встречаться с потусторонним, не верил он и в рок, твердо полагая, что человек сам творит долю свою, не говоря о перемещениях во времени. Но стал сомневаться в собственных выводах после увиденной змеи, ожившей из малахита. Задумываться о том, почему судьба погладила его против шерсти в компании с Ипатом, не было времени, а на вопрос как они станут выбираться, услышал пронзительный вопль Ипата.

Скитник вывалился из стога, и его жилистое туловище кубарем покатилось, путаясь в длинной рясе. Причиной такого выпада послужил укол рогатиной бедному Ипату в мягкое место. Дело в том, что фуражир подошел к стогу с обратной стороны, чтобы подцепить копну, вот и угодил с первого раза в монаха. Гренадеры всполошились, схватили оружие и подбежали к месту преступления. Олега грубо выволокли, а один расхрабрился и с лихвой осадил пришельца из будущего парой ударов прикладом штуцера. Не найдя в стоге более никого, обоих сопроводили под улюлюканье внутрь церкви, где квартировал старший офицер. Внутри собор представлял удручающую картину: развороченный иконостас с пробоинами в иконах от кучной стрельбы картечью, осквернённый испражнениями алтарь, вдребезги разбитые аналои, перевернутый престол. В углу притвора горой громоздились

позолоченные оклады, свечники, купель, священные сосуды и прочая драгоценная утварь. Здесь же солдаты великой армии обустроили походный кузнечный горн, где они усердно выплавляли золотые и серебряные слитки. Все явствовало о варварской ненависти культурных европейских цивилизаторов к духу русскому. Ученики Наполеона крепко-накрепко усвоили назидание своего императора, что для победы нужно не только ненавидеть противников, но и презирать их. А дальше будет Москва с разрытыми могилами и разбитыми склепами прославленных князей в поисках сокровищ, и попранием русских святынь по приказу великого покорителя времен и народов. Статный офицер в кивере, синем сюртуке и расшитых золотом эполетах с бахромой спиной стоял в начищенных до блеска сапогах к входу и не обращал внимания на вошедших. Француз с заложенной правой рукой за спиной упражнялся в стрельбе по мишеням из ликов святых на росписи настенной. Значит, этот левша отметил Олег. Эхом разнесся под крышей собора очередной выстрел, едкий пороховой дым струился из ствола мушкета. Пуля угодила в образ святого, часть побелки с грохотом осыпалась.

– Что ты творишь, ирод окаянный? – заохал кто-то из глубины здания.

Пленники не сразу обратили внимание на таящегося за кафедрой на четвереньках старца в рясе. Монах опасливо выглянул из-за угла подмостков и выкрикнул надрывно:

– Нет у меня золота боле! Иди с миром!

Горячий молодой офицер рассмеялся задушевно и обернулся к конвоирам, словно деспотичный император с презрением к поданным. Пышные усы, залихватски подкрученные кверху, придавали галлу вид бравого солдата. Сейчас он чувствовал себя Цезарем и пришел в землю далекую и дикую, чтобы покорять. Офицер заслушал доклад гренадера старшего не по чину, но по возрасту. С интересом осмотрел камуфляж болотного цвета на Олеге и ткнул в него мушкет, так что пленник отшатнулся:

– Qui êtes vous?

Олег покачал головой, делая вид, что не понимает. Здесь вмешался Ипат:

– Спрашивает кто ты?

Инок жался к Олегу, растирал болезненное место и трясся от страха.

– Откуда язык знаешь?

– В семинарии учил, – судорожно пролепетал Ипат.

Усатый таракан снова ткнул мушкетом в грудь Олегу еще сильнее.

– Гости мы, – ответствовал пленный, заложил руки в карманы, расправил крепкие плечи и уточнил с ухмылкой, – из будущего. Переводи.

Толмач торопился довести суть их появления, на ходу придумывал подробности, однако про чудотворный колокол утаил. Ипат старался быть понятным, но его поджилки тряслись; он запинаясь, мучительно вспоминал формы глаголов

и времена. Это фиаско, из набора слов и корявого произношения француз почти ничего не понял. Военный переводчик из монаха не вышел. Офицер хмурился, переводил ястребиный взгляд с Олега на Ипата и обратно. В тяжелом выражении лица читалось, что он принимает решение. К этому времени помятый слугитель доковылял из укрытия под кафедрой, и за спиной офицера вновь раздался надрывный голос старца:

– Ну, нет золота боле. Богом молю, уходи, изверг.

Скитник бросился к оккупанту в ноги, в одной руке он держал крест, а другой обнимал лакированный сапог. Жалкое зрелище унижения вызывали уныние у Ипата и брезгливость у Олега. Он присмотрелся и поразился удивительному сходству старика с колдуном.

– Не срамись, отец, – обратился Олег к падшему ниц старцу, – виктория будет за нами.

Офицер услышал сладкое французское слово «виктория», до боли ласкавшее слух галла, грозно нахмурил брови и, брызжа слюной, переспросил прямо в лицо Олегу:

– La victoire?! Victoire de la Russie?! Merde!

(– *Победа?! Победа России?! К дьяволу!*)

Деспот оставил мушкет, схватил старика за шиворот, словно ребенка, вырвал кусок бороды и отбросил инока, как матричную куклу.

– Vive l'Empereur Napoléon!

(– *Да здравствует император Наполеон!*)

Олег испытал непреодолимое желание поквитаться с обезумившим лягушатником, благо расстояние позволяло, и вонзить ему в глаз кованый гвоздь из колокольни, что нащупал в кармане, но сдержался. Не для этой цели он прибыл сюда. История уже рассудила, кто оказался на ее свалке, а кто в Париже. На соборной паперти послышалось звонкое цоканье конских подков, верхом в притворе появился адъютант на взмыленной вороной лошади. Он передал офицеру срочную депешу. Прочитав послание, француз снова выругался и заспешил к выходу, по дороге он приказал запереть всех троих в подклет (подвал) до его приезда.

Глава 3

Конвоиры, не церемонясь, швырнули пленников в мрачное подземелье и заперли железные двери.

– Темень какая, – заговорил Ипат. Его дрожащий голос звучал приглушенным в каменном мешке. Старик отчаянно охал где-то в глубине.

– Да будет свет, – отозвался Олег, и тоненький огонек китайской пьезозажигалки затрепетал в сыром помещении с низким потолком. К счастью, Олег заметил на полу несколько сальных огарков, и Ипат слепил пару худых свечей. Свет они давали тусклый, но достаточный, чтобы совсем не погрузиться в апатию во мгле чернильной.

– Что станется теперь с нами? – кручинился Ипат.

– Вам спастись дано, – раздался ответ старика, – а меня вздернет Иуда проклятый.

– За что? – всполошился Ипат, и на глубоком его выдохе печальном огоньки на фитилях встрепенулись.

– За то, что я русский, – заключил духовник сухо.

– Не дрейфь, Ипат, – вмешался Олег. – А ты, дед, часом, не чародей сам-то? Больно напоминаешь колдуна одного.

Старец затряс козлиным остатком бороды от негодования.

– Игумен я, Павел. А вот отколь вы? Еще вопрос!

– Будет тебе. Не обижайся.

Долговязый Ипат вынужденно облакачивался о стену так,

что головой упирался в потолок, и никак не мог сесть по причине полученного увечья. Дабы отвлечься от ноющей боли в филейной части, он поведал старцу грустную предысторию и добавил, чуть не разрыдавшись:

– Если не найду колокол, колдун пригрозил обратить меня в гранит.

Старец не проронил ни слово, а только поглаживал клочок бороды, погружившись в горестные размышления. Огоньки затухающих свечей тенью играли в глубоких морщинах его страдальческого лица. Воцарилось гробовое молчание, каждый думал о своей участи, наконец, Павел нарушил тишину:

– Колдун этот – брат мне, нареченный Мормом. Дороженьки наши разошлись в древности языческой. Заблудился ока-
янный в чертогах преисподней. Иногда восходит на землю людей губить да путать.

– Почему Морт всемогущий сам не отыщет колокол? – спросил Олег и придвинулся ближе к старцу.

– Сила его увядает по вине благовеста. Вот только не дано отыскать колокол здесь.

– Почему?

– Ежели иносказательно, отлит он из кусочков небесного свода, там и обитает.

– Мы можем попасть туда? – с надеждой спросил Ипат.

– Все там будем, каждый в свой час. Сказывают, когда отливали колокол, добавили в сплав железный метеор без единой червоточки, что прежде веками почитали на капище.

Теперь на месте капища того стоит собор нынешний. Воистину это колокол всея Руси и звонит по душам загубленным. Третьего дня колокол исчез со звонницы невесть как. Ангелы спрятали по святой воле в сфере блаженных. Ищите сердцем.

– Загадками говоришь, дед, – сказал недоверчиво Олег, – а вернуться нам как в свое время?

– А как прибыл сюда? Так и воротишься.

Перспектива вновь бросаться с высоченной колокольни не впечатлила Олега, и потом, куда бы он приземлился в своем времени. Верная смерть. Ипат обхватил голову и принялся нашептывать под нос молитву о спасении. Игумен зашевелился, снял обувь, перевернул сапожок и стал усиленно вытряхивать его, ударяя по подошве. Наконец, что-то, увесистое завернутое в ветошь, выскользнуло из обуви. Старец колесом согнулся и принялся развязывать тугой узелок. Олег ничему не удивлялся и безучастно наблюдал за копошением монаха. Минуту-другую и появился янтарный камень. Солнечный самоцвет походил на крупный прозрачный леденец с покатыми уголками. Олег поднес огонек зажигалки, и чудесный янтарь заиграл переливами золота. Ипат замер от удивления. В центре драгоценной окаменелости изумительное насекомое застыло многие миллионы лет назад. Старец, предвкушая расспросы, тут же пояснил:

– Жалящий шершень.

Насекомое, окутанное коконом из доисторической смолы,

прекрасно сохранилось в своем забвении. Олег сумел рассмотреть крошечные волоски на полосатом брюшке оцепеневшего животного. Легко различались мощные челюсти и усики. Шершень, будто живой, смотрел на мир удивительными фасеточными глазами по бокам головы. Казалась вот-вот и затворник взмахнет сетчатыми крыльями. Особенно выделялось смертоносное жало хищника, длинной острой иглой выступало оно из брюшка. Неглубокая бороздка проходила аккуратно посередине янтарного камня. Тонкая прочная веревочка крепилась к амулету за ушко. Павел вложил камешек в ладонь Олегу.

– Сохрани. На край беды какой разломи оберег по канавке, да янтарь крепко-накрепко держи в руке. Шершень вылетит, но тебя не ужалит.

Почему сам игумен не сумел или не захотел воспользоваться чудесным спасительным амулетом, Олег никогда не узнает, так как тотчас за дверью послышались тяжелые шаги караульного. Олега швырком вытолкали, едва он успел всучить Ипату зажигалку. Остальных узников оставили дожидаться своего удела. Покинув подземелье, Олег жмурился от слепящих солнечных лучей и даже придержал шаг, за что подгоняемый получил в спину удар прикладом штуцера. Пленник споткнулся и упал прямо возле входа на колокольню. У него промелькнула мысль рвануть на звонницу, терять было нечего, так уж лучше смерть, чем терпеть издевательства супостата. Охранник медвежьей лапой схватил Олега за

шиворот и сопровождал до офицера в притвор, где доменщик, расплываясь в довольной улыбке, разливал кипящее золото по формам слитков. Офицер находился в явном нерасположении духа, он настолько распереживался после возвращения, что его левый глаз дергался. Очевидно, на француза возложили обязанности по разграблению ценностей с завоеванных русских земель, и он лез вон из кожи, чтобы угодить начальству и получить повышение.

– Où sont l'or et l'argent?

(– Где золото и серебро?)

Конвоир отвесил арестанту звонкую оплеуху.

– Réponds au cochon quand l'officier te parle!

(– Отвечай, свинья, когда с тобой говорит офицер!)

Более Олег не желал терпеть подобной дерзости, и бывший сержант советской армии вскипел, нащупал в кармане ржавый гвоздь из колокольни и сжал острие. Далее все происходило молниеносно: отчаянный он вонзил конвоиру стержень в глаз до самой шляпки, опрометью схватил офицера за длинный закрученный ус и дернул с невероятной силой, что разорвал офицеру верхнюю губу. Кровь хлынула багровым фонтаном, заливая все вокруг. Действенному приему хватать за желобок под носом Олег научился у старого ээка, там скопление нервов. Француз взревел от дикой боли. Литейщик возле горна в ужасе бросился наутек вон из церкви, надрывая глотку о помощи. В дело пошел тигель с ручьятью, наполненный бурлящим золотом, Олег с неистовой

яростью окотил раскалённым металлом вбежавших гренадеров, в буквальном смысле озолотил врагов. Обугленная кожа зашкворчала, словно на сковороде, источая отвратительный смрад перегоревшего мяса. И напоследок разгорячённый лютой ненавистью Олег угостил сокрушительным ударом офицера в голову хватом от тигля так, что француз отлетел, теряя зубы, прямо на литейное горнило. Леворукость офицера сыграла с ним злую шутку, Олег действовал на опережение по его уязвимой правой стороне. Раздался истошный вой, надрывно голосили обожжённые гренадеры в жуткой неразберихе. Казалось бы, от такого мощного сотрясения офицер не оправится, но дьявол проснулся в этом человеке. Ошпаренный он взметнулся, оголил палаш и бросился за Олегом вдогонку на колокольню. Олег, гонимый преследователем, разом перепрыгивал по три ступени, он задышался и жадно хватал воздух ртом. Секунда-другая и беглец окажется на звоннице, за спиной раздавалась грязная ругань на французском, топот приближающихся сапог. Вот и та самая узкая площадка, Олег перемахнул через оградку и занес ногу, чтобы ступить в бездну, он метился в стог сена, но не решался. Голова закружилась каруселью, в глазах темнело от страха перед высотой. Олег обернулся и увидел чудовищно обезображенное лицо офицера в запекшейся крови и волдырях, алые куски разорванной кожи бахромой болтались. Еще мгновение и осатаневший душегубец зарубит беглеца, но он опоздал: Олег соскочил, а клинок скользнул по

перилам оградки, высекая фейерверк из разноцветных искр. Француз бросился к ограждению и еще долго высматривал Олега, перегнувшись через перила, но безуспешно, тело беглеца не оказалось в стогу, ни где-либо еще.

Глава 4

Олег очнулся, как и прежде после первого перемещения во времени он помнил лишь краткий момент падения, а потом пустота в памяти. В этот раз беглец лежал на земле под колокольней и не понимал, каким образом он не расшибся в лепешку.

– Ты, небось, думал я дам сгинуть тебе? – раздался шершавый голос Морта над Олегом, – легко отделаться захотел.

Колдун склонился над Олегом и потыкал посохом ему в живот.

– Сказывай. Зачем без колокола явился?

– Пусть брат и расскажет, колдун.

– Ишь, бойкий какой, и Павлушку приплел. Вот сейчас в камень обращаю тебя. Сказывай, пес!

Колдун затрясся всем своим тщедушным телом, аж капюшон соскочил, оголив отвратительное бугристое лицо. Морт еще сильнее ткнул посохом в Олега, тот вскочил, и хотел было ударить мага, но вспомнил про амулет.

– Пропади! – и колдун во всем неистовстве прокричал магическое слово, – сокара!

Морт принялся зачитывать заклинание на мертвом языке. Змей сверкнул глазами и стал спускаться с посоха по руке колдуна. Аспид выбрасывал раздвоенный язык и шипел. Олег кинулся отыскивать в карманах подаренный амулет. Не

так легко оказалось разломить камень по бороздке. Округлый оберег норовил выскользнуть из трясущихся потных ладоней, но вот янтарь поддался. С хрустом амулет распался на две равные половинки. Сонный шершень находился брюшком в ячейке и начинал пробуждаться от долгого забвения. Древнее насекомое повело усиками, расправило крылья, и выпорхнуло на волю из заточения. Боясь выронить янтарь, Олег до боли зажал половинки в руке. Словно винтокрыл, набирающий обороты, шершень сердито жужжал, облетая хозяина, затем завис над его головой и взметнулся ввысь, там хищник принялся неистово кружить. Произошло удивительное: лесные насекомые как ядовитые, так и просто больно кусачие, присоединились к шершню в громаднейшую мрачную тучу. Гудящий рой вертелся в вышине и продолжал увеличиваться. В движении черной массы не наблюдалась беспорядочность, а наоборот – осмысленный полет по спиральям в предводительстве шершня. Вот уже полнеба скрылось во мгле из разъярённых жалящих кровопийц и стрекочущих цикад. Зловещая туча то сжималась, то разжималась и гудела, как мотор самолета при взлете. Змей отступил перед возмездием, трусливо прижался к чародею, обвинил его ступни и спрятал морду в кольцах. Колдун продолжал неистово выкрикивать страшные проклятия и грозил посохом. Олег попятился к дубу и скрылся за его могучим стволом. Рой из насекомых плотно окутал и поглотил Морта, маг еще пытался отмахиваться посохом, но участь его была предреше-

на. В мгновение ока колдун истлел, не оставив мантии, даже посох превратился в обглоданные трухлявые деревяшки. От змея след простыл. По совершении праведного наказания туча мгновенно рассеялась, освободив небосвод. Насекомые разлетелись, кто опылять, кто собирать меды, а кто дальше жить трутнем. Чудесный шершень кружил возле своего повелителя. Олег раскрыл ладонь с кусочками янтаря, и спаситель вернулся в свое лоно. Две половинки сомкнулись, и шершень впал в забвение. Все успокоилось.

Со всех ног Олег бросился к машине. «Буханка» завелась не сразу, закрытые ворота во двор водитель попросту снес, дав газу от души. После столкновения лобовое стекло пошло паутиной из трещин. Мотор ревел, машина прыгала на ухабах, будто при испытаниях на прочность. Безудержно Олег топтал педаль газа с одной лишь мыслью поскорее бы выбраться из этого жуткого места. Наверное, Колумб испытал подобное чувство радости, когда открыл Америку, а Олег, когда покинул заколдованный лес и стал подъезжать к трассе, где виднелись силуэты быстро пронесившихся автомобилей его родного времени. Свернув на магистраль, Олег заехал на ближайшую заправку, чтобы перевести дух. За каской стояла женщина средних лет. Она с любопытством и опаской посмотрела на водителя в одежде, покрытой пятнами из грязи и запекшейся крови. Олег заметил ее оценивающий взгляд и завел разговор:

– Как называется церковь неподалеку в лесу?

– Какая церковь? – с недоумением в голосе спросила работница.

Олег принялся объяснять дорогу к собору, описывать строение заброшенной церкви, даже упомянул звонаря Ипата, о Мorte он побоялся рассказать. Женщина с пристальным вниманием слушала странного посетителя, и ее удивление на лице только возрастало. Олег принес из машины старинную карту и ткнул пальцем в местоположение.

– Вот же.

Женщина переводила вопрошающий взгляд с карты на Олега и сказала:

– Нет здесь никакой церкви.

– Как это нет?

Теперь Олег остолбенел от сказанного и изучающе смотрел то на карту, то на заправщицу.

– Вы точно путаете. А, вы наверно не местная? – осенило Олега.

– Я родилась здесь, церкви нет в этом месте, – женщина взяла карту в руки и продолжила, – топи там. То есть все верно собор Ипатьевский стоял когда-то, но исчез, провалился под землю в болота лет тридцать назад. Говорят, временами из-под земли доносятся песнопение и звон колокола. Вы бы не ходили туда, зона там аномальная.

– Уже побывал.

– И что? Видели церковь?

– Хуже.

Женщина пожала плечами от недоверия и предположила:

– Мало ли что привидится от болотного газа.

Затем вскрикнула, показывая пальцем:

– Ой, смотрите!

Олег обернулся, за окном тяжело поднимался чернильный дым от пожарища недалеко в поселке. Густые клубы обволакивали солнце. Садясь за руль, Олег намерился поехать в сторону пожара, но сию секунду передумал, так как услышал колокольный перезвон, возвещающий о беде, туда он и поехал. Олег пробирался по улочкам поселка, люди пронеслись мимо с ведрами и лопатами тушить огонь на ферме. Перепуганная живность мешала проезду и норовила попасть под колеса. Неистовый пожар разгорался, языки рыжего пламени жадно облизывали строения. Ветер кружил хлопья догорающего пепла попеременно с гарью. Тревожный набат усиливался и отдавался где-то глубоко в фибрах души Олега; он чувствовал, что нашел. Водитель подъехал к зданию поселковой администрации и заметил высокого человека в длинной рясе. Служитель, широко расставив ноги, неистово бил в пожарную рынду алого цвета. Он обеими руками схватился за канат, размахивая язык. Колокол болтался из стороны в сторону, и оглушительный звон разносился над селением. Олегу показалось, но нет, он приблизился и разглядывал со спины знакомую фигуру, и крикнул монаху прямо в ухо:

– Ипат?!

Человек с красным лицом от натуга обернулся и даже за-

медлил колебательные движения. Колокол по собственной инерции продолжил громоподобный бой. Пономарь отер лоб от жаркой испарины и прокричал:

– Ошибся! Павлом величают!

– Олег я! Быстро забыл, Ипат!

Дым от пожарища стал рассеиваться, звонарь угомонился и вновь уверенно повторил:

– Павел.

– Хорошо, пусть Павел. Стог? Французы? Ну, вспомнил?

Служитель в полном недоумении хлопал глазами и не понимал, что от него хочет незнакомец. Павел хмурился, тщетно пытаясь вспомнить, какое общее прошлое могло у них быть, и ответил:

– Не припоминаю.

В его голосе прозвучали нотки извинения, что не признает человека. Олег задумался, а не привиделось ли ему все в осознанном сне. Права оказалась заправщица: верно, болотный газ повлиял; и тут же спохватился, снял оберег с шеи и протянул Павлу.

– А это-то помнишь?

Пономарь отрицательно покачал головой.

– Чудесный амулет. Больших денег стоит? – и перевел разговор, – ты, может, исповедаться желаешь?

– Не время.

Олег подошел к колоколу и погладил по теплому телу из металла.

– Колокол откуда?

– Ипатьевский. Давеча лесник нашел с утварью и описью церковной, когда сруб ставил. Сейчас служит рындой, я заберу к себе, когда достроим новый приход.

Олег вынул сигарету из пачки, хотел было раскурить, да вспомнил, что зажигалку оставил в подклете, смял сигарету и выбросил. Павел любезно протянул ему зажигалку – ту самую, китайскую.

– Вот же! Откуда у тебя? Вспомнил?

Павел переменялся в лице и сурово произнес:

– На заправке купил. Надумаешь исповедаться – същещь меня.

Пономарь развернулся и оставил Олега возле колокола с мыслями наедине. Они поняли друг друга. Павел торопился прочь, припадая на ногу, верно от укола рогатиной. Почему Ипат-Павел отказался признать Олега, и каким образом пономарь вернулся домой остается тайной. Вероятнее всего свою роль сыграл страх перед непознанным.

Автор и сам не поверил бы в эту историю, однако Олег настолько убедителен в своем рассказе, да и янтарный амулет послужил доказательством, чудное действие которого мы все-таки не отважились проверить еще раз. С тех пор более не ездили в те места. Временами, конечно, выезжаем на копы, но гораздо реже, поэтому если вы встретите двоих с ме-

таллоискателем – определенно это мы.